Д.Т.Жовтун,
доктор философских наук, профессор

ПОЛИЭТНИЧЕСКАЯ РОССИЯ: ИСПЫТАНИЕ КОНФЛИКТАМИ

Сегодня мы являемся свидетелями того, как политизированная этничность все более явно выступает на авансцену современного политического процесса. Этнос становится главным персонажем не только этнополитики, но и заметным действующим лицом в сфере политической жизни в целом: без учета многочисленных этнических притязаний невозможно решать ни экономические, ни политические, ни идеологические проблемы как внутри национально-государственных образований, так и в глобальных масштабах.

Бурный рост национального и этнического сознания, развитие национальных движений различного характера и оттенков, обострение межнациональных и межэтнических противоречий, вплоть до кровавых конфликтных столкновений, сотрясают все геополитическое пространство бывшего СССР. Следует признать, что национально-этнические процессы, происходящие на территории СНГ, отличаются неуправляемостью и непредсказуемостью. Их отдельные фрагменты порой кажутся настоящей преисподней социального бытия: переплетением рационального и иррационального, сознательного и бессознательного, прорыва на первый план биологических мотивов в поведении и поступках их субъектов. Иррациональная сторона межнациональных и межэтнических взаимодействий связана, прежде всего, с конфликтными ситуациями, возникающими в этих процессах.

Конфликт как феномен в структуре социума — многогранное явление; в нем в единый узел сплетаются различные по содержанию и характеру социальные связи — как материальные, так и духовные: экономические, политические, правовые, нравственные, которые поддаются логическому анализу, рациональному осмыслению в логико-вербальной форме. Но здесь же присутствуют и такие связи и отношения, которые в рациональных формах, т.е. в привычной для нас логике понятий, непостижимы. Познание конфликтов требует особых понятийных средств, новых интеллектуально-лингвистических ходов и смысловых конструкций.

В разгоревшемся конфликте смысл отсутствует, это ситуация бессмысленная, и остановить конфликтное столкновение можно только

путем приобретения участвующими в нем субъектами смысла, понимаемого в данном случае как со-мысль, сопряжение мыслей, единомыслие, что, несомненно, достижимо в силу того, что между людьми всегда больше общего, нежели того, что их разъединяет. Конфликт – особая реальность, скорее квазиреальность, как «провал» в латентные пласты социального бытия, еще не освещенного лучами рационального познания. Здесь привычные для нас связи и зависимости не работают (как в микромире нельзя объяснить происходящие там процессы с помощью связей и детерминаций, имеющих место в макромире, для которого характерны причинно-следственные связи, отражаемые нами в привычной для нас логике понятий). Не случайно в последнее время при попытке анализа той или иной межнациональной или межэтнической конфликтной ситуации в нашей стране все чаще и чаще, хотя и не всегда осознанно, употребляется понятие «абсурд».

Чувство абсурдности бытия у современного человека нарастает. Очевидно, это связано с глубинными особенностями современной цивилизации и, прежде всего, ее негативными по отношению к человеку сторонами, которые достаточно убедительно раскрыты и продолжают раскрываться в творчестве ряда философских школ и течений: франкфуртской школы, пессимистических вариантов «философии техники» и футурологии и др. Состояние разочарования, неосуществления значимых для человека, целых этносов и наций целей, напряжение и тревога перед будущим, а для многих и безысходность, т.е. то, что З.Фрейд называет фрустрацией, являются основными факторами конфликтных столкновений, в которых раскрывается ужасающая бесчеловечность человека.

Конфликт выступает как реакция отдельных индивидов, социальных групп, этносов, наций, государств на абсурдность ситуации, создаваемой современными цивилизационными процессами и, прежде всего, процессом «модернизации», приобретающим глобальный характер (речь идет о многомерных изменениях общества – в экономическом, технологическом, экологическом, демографическом, социальном и психологическом отношениях), в него втянуты все страны СНГ. Техногенные кризисные явления в экономике национальных регионов – от Прибалтики до Средней Азии – в условиях гласности и информированности о мировых стандартах защиты индивидуальных и коллективных прав человека, а также при возрастающем дефиците жизненных благ вызывают у коренного населения этнических регионов тревогу за свою судьбу, свое будущее.

Другими словами, модернизация стимулировала раскрытие латентного потенциала конфликтных отношений между неравномерно развитыми этнонациональными группами. Многие этносы и народ-

ности, населяющие это пространство, под напором «модернизации» вынуждены переходить из традиционного общества в индустриальное. Этот переход сопровождается ломкой жестких регламентаций их социального статуса, изменением в отношениях между центром и периферийными этносами, расами и религиозными группами.

Такой переход означает замену всей традиционной системы отношений на открытый соревновательный выбор в условиях равноправия перед законами рынка. Но неравномерное протекание модернизации, обусловленное неравенством стартовых возможностей в этом процессе, в этнонациональных ареалах порождает многочисленные конфликты между притязаниями этнических групп, а также между отдельными этносами и государством. Государство реально не может обеспечить права своим субъектам. Оно пока не в состоянии привести все этносы к одинаковому уровню социально-экономического развития.

К тому же в модернизирующихся этнических группах происходит неравномерное формирование политического и правового сознания, а в наиболее политизированных этносах, действительно или мнимо обделенных из-за своей периферийности, возникает неудовлетворенность государственным центром как гарантом правозащиты, выливающаяся в форму национализма. В условиях социальной дезинтеграции, распада традиционных структур и отношений между ними, происходящих под давлением модернизационных процессов, национализм начинает выступать заменителем традиционных ценностей, утративших свое значение. Начинается настоящая «этническая лихорадка», в этносах накапливаются элементы агрессивности по отношению к соседям и центру. Из древних пластов первобытной культуры возрождаются архаические представления о том, что чужой этнос – это враг, в нем видится только опасность для жизни и роста, он является воплощением зла. Ожидание от другого этноса враждебных действий несет в себе нравственную санкцию на собственное насилие над ним, что порождает эскалацию насилия, цепную реакцию кровавых столкновений, не имеющих под собой рациональной основы.

Местная этнократия для решения своих проблем, чтобы завоевать право распоряжаться богатствами региона, своими действиями способствует возрождению подобного рода иррациональных, импульсивно-стихийных интенций, исходящих из этнических архетипов, и эффективно эксплуатирует архаичный потенциал своих этнических групп, прикрываясь национальной риторикой и национальными одеждами.

Этнизация сознания – это форма отчуждения личности, потеря человеком свободы. Националистическая идеология как раз и направ-

лена на обострение чувства принадлежности индивида к нации, этносу. Она сминает все индивидуальные, личностные особенности человека, подавляет их предполагаемым общим национальным признаком. Индивид отождествляется, растворяется в национальном или этническом сообществе, а национализм в своих программных установках всегда направлен на усиление этого отождествления.

Индивид в условиях социальной дезинтеграции, ухудшения экономической жизни, социально-психологического дискомфорта, чувствуя свою сопричастность к общей и безликой духовной силе, какой представлен ему национализм, полагает, что обрел себя. Его эмпирическая незначительность как индивида, социального «атома», песчинки в огромном мире восполняется причастностью к «общей» судьбе нации, национальной группы под давлением националистической идеологии. Судьба нации превращается для него в высшую моральную и политическую программу, реализация которой мыслится только за счет интересов других наций и этносов. И если дело дошло до насильственного конфликта при решении такого рода задач, то разумная аргументация, основанная на логике, моральных критериях, становится невозможной. В националистической идеологии конечными аргументами в общественно-политических дискуссиях или конфликтных столкновениях становятся те, которые направлены на обоснование и укрепление приоритета национальных интересов. «Национальная» аргументация является единственным высшим критерием оценки происходящих событий, а те критерии, которые не соответствуют укреплению национальных интересов, попросту отбрасываются.

В конфликтном поле проявляется «онтологическая относительность», суть которой заключается в том, что конфликтующие стороны (субъекты) превращаются как бы в социальные «монады», замкнутые на себя, не допускающие проникновения «другого» в их внутренний мир, не способные сами проникнуть в «чужой мир», живущие в своем собственном измерении и поэтому имеющие искаженное представление друг о друге. Особенно это обстоятельство заметно в межэтнических конфликтах. Подобный конфликт есть такой тип диадического взаимодействия, непременным условием которого является совокупность представлений оппонентов о себе (своих мотивах, целях, ценностях и т.п.), о противнике (его мотивах и целях), о социальной среде, в которой происходит конфликт. Именно эти образы, а не сама реальность, являются непосредственными детерминантами конфликтного поведения участников.

В межэтническом конфликте исходная содержательная информация о социальной действительности для субъектов этого взаимодействия сводится к совокупности «стимульных значений», заданных им

их идеологией: желаемой властью, жизненными ресурсами, образом врага, соотношением сил и т.п. Субъект конфликта как бы редуцирует реальность в соответствии с некой «преданностью», «выносит за скобки» все, что не укладывается в его модель; содержание реальной ситуации у него исчерпывается именно его моделью, а что находится вне ее, для него не имеет значения и смысла.

Если социальные отношения, в которых находится каждый из социальных субъектов, рассматривать как динамическую систему, выступающую для субъекта животворной средой, обеспечивающей его рост и развитие, то конфликт, с этой точки зрения, есть система-паразит, ограничивающая, урезающая, усекающая бытие каждого из участников конфликта прежде всего тем, что он направляет поток своего существования (экзистенцию) на борьбу с «другим», на преодоление другого. Но, устранив другого, «победившая» сторона не получает развития, скорее наоборот – обедняет себя тем, что сужается поле ее отношений, устраняется, исчезает одно из звеньев ее содержательных связей. (Поэтому конфликт, с этой точки зрения, можно определить как саморазрушающееся противоречие.) В этой ситуации, чтобы в дальнейшем сохранить бытие «победителя», сторона должна искать оппонента и опять трансформировать свое отношение к нему в конфликт и так до бесконечности.

Всякий социальный субъект строит свое поведение, ориентируясь на реальность. Таковой выступает его «жизненный мир» как верховная реальность, мир его повседневной жизни, мир ближайших ему предметов, социальных феноменов. Именно этот мир дан ему, его сознанию с наибольшей очевидностью и аподиктической достоверностью. В процессе социального взаимодействия отдельные индивиды, социальные группы, общности исходят их своего жизненного мира, жизненного опыта как наиболее твердого и устойчивого, а следовательно, и наиболее надежного эмпирического базиса социальной ориентации. Именно жизненный мир задает индивиду основные значения и очевидности, выстраивающиеся в непрерывную жизненную связь, в историческую горизонтность. Поэтому для исследования тонкостей и нюансов социального взаимодействия, особенно конфликтного, исходить надо прежде всего из жизненного мира субъектов этого взаимодействия. Именно здесь кроются истинные мотивы, цели тех или иных поступков и действий агентов конфликта.

Среди причин конфликтов, как правило, выделяют невозможность (или подавление) удовлетворения базовых потребностей субъектов, неравенство возможностей, т.е. жизненных шансов различных субъектов, неодинаковый доступ к ресурсам развития. В состоянии стабильности, в период устойчивого развития общественной

системы существуют определенная и относительно устойчивая структура интересов различных социальных групп, отдельных индивидов, а также институциональные формы «выражения» этих интересов как неких объективно заданных параметров, детерминированных социальным положением субъектов. Здесь конфликтов не бывает или, если они и возникают, то гасятся, иногда подавляются правовыми или насильственными способами специально для этого созданными институтами власти.

В нестабильном состоянии общественной системы, в ее кризисный период, наблюдается диффузия интересов, обусловленная неустойчивостью социального положения субъектов. Здесь на первый план выступает не выражение интересов, а их полагание и декларирование, реляция, притязание на жизненные шансы, доступ к ресурсам. Отсутствие же или слабость правовой системы, призванной регулировать социальные отношения, обеспечивать институциональные формы, т.е. легальные формы удовлетворения потребностей и интересов, приводит к тому, что притязания субъектов сталкиваются как в «броуновском движении», что и порождает многочисленные конфликты.

Конфликту предшествует социальное напряжение, из которого возникает предконфликтная ситуация. Социальное напряжение – это состояние социальной системы (или подсистемы), характеризующееся нарушением равновесия в балансе обмена деятельностью между ее компонентами и сопровождающееся эмоциональными реакциями негативного плана со стороны субъектов социальных отношений (такими, как беспокойство, страх, враждебность, агрессивность). Для нее характерны: крайнее возбуждение субъектов, зачастую переходящее в истерию, порождаемую неясностью перспектив, неуверенностью в смысле и направленности их действий. (Истерия вносит определенность, но она, как правило, связана с формированием образа врага, о чем будет сказано ниже.)

Таким образом, из состояния социальной напряженности формируется предконфликтная ситуация – это совокупность конкретно-исторических обстоятельств, сложившихся в жизненно важном для социального субъекта пространстве, нарушающих его онтологическую безопасность. Нарушение онтологической безопасности отражается в чувстве беспокойства, страха, незащищенности или ущемленности интересов субъекта, вызванных явным или неявным посягательством на его сложившийся и устоявшийся социальный статус со стороны других субъектов.

Нельзя игнорировать агрессию как существенный элемент конфликтной ситуации. На наш взгляд, агрессия есть фундаментальный факт человеческого бытия; существующая в форме архетипа и скры-

тая в глубине человеческой психики. Она, как и сексуальность, является древнейшим инстинктом человека. Агрессия является необходимым условием выживания любого вида в мире, где ведется постоянная борьба за более благоприятные условия, территорию, жизненные ресурсы, власть, лидерство.

Биологический шовинизм, присущий всему живому, эволюционируя, при определенных условиях перерастает в социальный. В человеке живет бессознательная установка делить людей на «своих» и «чужих», потенциальных «друзей» и «врагов».

Особенно ярко это проявляется на уровне бытового шовинизма, сопровождающегося усилением ксенофобии, жертвами которой становятся прежде всего беженцы, переселенцы и иностранная рабочая сила. Бытовой шовинизм – это не идеология определенной социальной группы, а проявление основанной на архетипах и стереотипах универсальной склонности людей фиксировать различия и относиться с недоверием к представителям другого этноса. Этнические стереотипы усваиваются человеком еще в детстве, следовательно, бессознательно и некритически. Впоследствии они проявляются преимущественно на бессознательном уровне. Особенностью бессознательного являются эмоциональность, алогичность, т.е. слабая подверженность сознательному контролю за поступками и рациональному осмыслению ситуации. Фоном таких ситуаций бывает обстановка эмоциональной напряженности, взвинченности, нервозности, всеобщего недовольства. Бытовой шовинизм способен в такой момент захватить не только чувства и мысли, но и волю людей, довольно быстро распространиться среди населения, стать причиной мотивации поступков негативной окраски.

Для бытового шовинизма характерен двойной стандарт, заключающийся в том, что все, задевающее собственные национальные чувства, воспринимается исключительно болезненно и связывается со злым умыслом, и в то же время мало или совсем не обращается внимание на национальные чувства других, на собственные действия, могущие обидеть представителей других этносов. Проявления двойного стандарта многократно усиливаются в ситуации разгоревшегося межэтнического конфликта.

Одной из форм межнациональных, межэтнических конфликтов в современной России является националистический терроризм. Терроризм — многоплановое явление, все больше утверждающееся в структуре бытия современного общества. Он становится одним из инструментов практического решения экономических, политических и психологических проблем. Это явление требует специального исследования, глубокого и всестороннего научного анализа с участием различных специалистов: экономистов, социологов, политоло-

гов, психологов, медиков, юристов, философов. Другими словами, здесь нужен междисциплинарный подход, поскольку любой террористический акт, какую бы цель он ни преследовал, сотрясает все стороны нашей жизни.

По своей сути терроризм есть мотивированное насилие (бывают и немотивированные насильственные поступки, но это область патологии), осуществляемое малыми группами или отдельными индивидами ради достижения конкретно поставленной цели, чаще всего политического характера. В таком случае террористы претендуют на представительство больших масс – классов, социальных слоев, наций, религиозных и этнических образований. Его можно также характеризовать как современную форму достижения принудительных сделок с государством или с частными лицами, где инициатива принадлежит террористам.

Если речь идет о террористическом акте, совершенном отдельным индивидом, то здесь возможно переплетение моральных, психологических, а часто и религиозных факторов. Террорист может хорошо понимать, что убийство, похищение людей, пытки несовместимы с моралью, он может чувствовать, осознавать и переживать свою вину и тем не менее сознательно идти на террористический акт. В этом случае он отдает свою свободу и жизнь группе, организации или семье (в случае экономической мотивации террора), как бы отказываясь от собственных моральных ценностей, от своего «Я» и совести, растворяясь в группе. Его преступление, его вина в данном случае утрачивают для него значение. Требования, связанные с интересами и судьбой группы, возвышаются над всеми остальными нормами и нейтрализуют, обесценивают их. Таким образом, особая опасность терроризма и трудность борьбы с ним заключаются в опустошительном разрушении личности террориста или террористической группы. Данное обстоятельство зачастую не оставляет выбора в предотвращении или ликвидации террора и вынуждает применять по отношению к преступнику средства насилия, вплоть до физического уничтожения.

В методологическом плане наиболее приемлемым для исследования предконфликтных и конфликтных ситуаций, на мой взгляд, является экзистенциально-коммуникативный подход, который, в отличие от рационалистических методов, ориентированных на поиск сущности и смысла познаваемых феноменов, направлен на внедрение, внесение смысла в конфликтную ситуацию, прояснение для участников конфликта их действительного положения в создавшемся конфликтном пространстве. Для разрешения межнационального или межэтнического конфликта исключительное значение приобретает коммуникативный опыт, рождающийся в контексте взаимодей-

ствия, когда обе стороны согласны относительно лингвистически оформленных смыслов, остающихся постоянными в процессе этого взаимодействия, т.е. необходимо наличие языкового тождества, коммуникативного тождества.

Ядром коммуникативного опыта является смысл каждого действия, каждого факта. Здесь, на наш взгляд, следует опираться на концепцию социального действия Макса Вебера, который рассматривает социальное действие как поведение субъективно осмысленное, т.е. ориентированное на субъективно вкладываемый смысл и поэтому мотивированное. При этом адекватно понять социальное действие можно только через соотнесение его с целями и ценностями, на которые субъект ориентирован. Другими словами, только смысл, вложенный действующим субъектом, обеспечивает адекватный доступ к его поведению в ситуации, которая им же самим интерпретируется.

Взаимные противодействия контрагентов, участников конфликта полностью подпадают под определение социального действия, принятого в понимающей социологии М.Вебера. В действиях конфликтующих субъектов важное значение имеет их смысловая ориентация на ожидания определенного действия контрагента, и в соответствии с этим производится субъективная оценка шанса на успех собственных действий. Этот момент экспектации означает «ориентацию на другого» – очень важное в методологическом отношении понятие для познания и разрешения конфликта.

Межэтнические конфликты относятся к разряду «глубоко укорененных» конфликтов, которые рациональными способами или ссылками на эмпирическую очевидность не разрешимы. Конфликты этнических групп – это конфликты «жизненных миров», столкновение культур. Столкновение этих миров можно рассматривать по аналогии с известными в гештальтпсихологии «двоякими образами», которые, в зависимости от точки зрения, допускают два различных толкования.

У каждого субъекта конфликтного взаимодействия свой жизненный мир, свой социальный опыт, что значительно затрудняет поиски консенсуса, необходимого для разрешения конфликта. Поэтому крайне важно взломать, разрушить преграды, границы между жизненными мирами конфликтующих субъектов, ввести их в одно коммуникативное поле. Для этого необходимо апеллировать к культуре, к общим духовным, нравственным, религиозным ценностям, общественным идеалам, ввести их в жизненный мир каждого из конфликтующих субъектов, чтобы они могли выполнить смыслотворческую функцию, сформировать общее для обеих сторон понимание ситуации. В этом случае единый язык, единые духовные ценности, культурные образцы истолкования мира предстают как ресурсы, делаю-

щие возможным взаимопонимание участников конфликтного взаимодействия, достижение между ними согласия. При этом мотив действий должен сдвигаться с уровня системы стимулов на уровень лингвистической и другой коммуникации. Язык здесь выступает в качестве трансцендентального резервуара интерпретаций и сотворения смыслов. В переговорном процессе, который является наиболее приемлемым способом урегулирования конфликтов в современном обществе, данное обстоятельство имеет исключительно большое значение.

На наш взгляд, межэтнические конфликты не имеют собственных оснований; их фундаментальную онтологию следует искать в других пластах социальных отношений: в экономике, политике, социальной психологии. Сами же этнические различия не могут порождать конфликт. Столкновение этнических групп или отдельных индивидов, представителей различных этносов является результатом противоречий между экономическими, политическими интересами или же патологических проявлений того или иного социума, а также отдельных индивидов.

Здесь важно иметь в виду следующее обстоятельство: общественные отношения имеют как бы два среза, два уровня. Первый – это непосредственный, видимый, понятийно фиксируемый, представляющий собой как бы фасад социального бытия, второй – это социальная реальность «непонятийного», ускользающего от всякого понятия. В первую сферу входят такие явления и процессы, как «официальная» экономика, политика, регулируемые правовыми и нравственными нормами многообразные социальные отношения. Второй уровень – это скрытый пласт социальной реальности, в недрах которого происходит особая жизнь, еще недостаточно изученная и осмысленная, но тем не менее столь же реально значимая. Она не есть некая запредельность, а часть реальности, которая до сих пор в дискурсивной логике не охвачена из-за недостаточной разработанности соответствующего инструментария. Это мир «теневой экономики», «теневой политики», коррумпированных связей и мафиозных построений. Такая латентная социальность имеет свои институты, хотя и неформальные, нелегальные, свою мораль, свои внутренние «законы».

Другими словами, онтологический пласт социального бытия, представленный нам в рациональных структурах сознания, – это хрупкий лед, под которым скрывается пучина не менее реальных процессов, отношений, действительных жизненных течений. Мы же своим «плоским» рациональным мышлением зачастую лишь скользим по поверхности социального бытия, не проникая в его глубины.

В условиях стабильности видимый и скрытый пласты человеческого бытия соединены «стабилизирующим сознанием», религией,

идеологией и т.п. – своеобразным интеллектуальным «жирком» в виде общечеловеческих ценностей. Но в кризисные периоды разлом, расслоение углубляется, теневые латентные эпифеномены социальных отношений – насилие, национализм и расизм, бытовой шовинизм, коррупция, «телефонное право» и все прочие мерзости, как при повышении температуры социального напряжения, могут вырываться на поверхность общественного бытия, т.е. возникает явление социальной «экструзии«. Такой выход социальной «лавы«, накапливающейся в недрах социального бытия при больших тектонических сдвигах в структуре общества, наблюдается сегодня на всем постсоветском геополитическом пространстве, во всех странах, переживающих трансформацию социальной системы.

Одним из важнейших способов предотвращения межэтнических конфликтов является формирование у членов полиэтнического общества правового сознания, уважения принципов гражданского общества, исключающих ущемление гражданских прав, которое неизбежно возникает в разгоревшихся конфликтах подобного рода. Стремление индивидов к этнической самоидентификации, этнической консолидации, с одной стороны, кажется их естественным правом и вполне прогрессивным. Но конкретные действия, направленные на воссоздание идентичных мелких этнических образований во имя культурной или религиозной автономии, ведут к разрыву сложившихся связей в данном сообществе. Ориентации на этническую солидарность, которая возникает в периоды социально-экономического и духовного кризиса общества, необходимо противопоставить идею социальной интеграции на базе ценностей гражданского общества. А значит, следует активнее формировать гражданское самосознание у членов общества. Ценности гражданского общества должны доминировать в сознании людей над этническими.

В заключение можно отметить, что социальные взаимодействия в нестабильных системах при интенсивных внутренних флуктуациях, господстве стохастических процессов отличаются высокой степенью конфликтогенности. Любое из объективно присущих этой системе противоречий может превратиться в конфликт. Поэтому главным условием разрешения многочисленных конфликтов на территории России является общая стабилизация всей системы социально-экономических, политических отношений.

Но это не означает, что следует ждать общей стабилизации, не предпринимая никаких мер по разрешению уже существующих и обостряющихся конфликтов. Здесь видятся следующие неотложные меры.

Во-первых, необходимо локализовать возникший конфликт, четко определить его границы, т.е. не допустить введения в него этничес-

кого и религиозного факторов, которые могут послужить катализатором для его эскалации.

Во-вторых, избегать упрощения проблем, их дихотомической трактовки, т.е. жесткого противопоставления интересов, целей конфликтующих сторон; как бы ни развивала каждая из них свою аргументацию, в равной мере будут развиваться аргументы и другой стороны. Поэтому важно выйти за пределы сложившейся конфликтной ситуации, т.е. рассмотреть ее с точки зрения общих принципов, объединяющих позиции обеих сторон, например, гуманизма, демократии, свободы индивида, равенства и т.п.

В-третьих, исключить всякие бюрократические проволочки в решении возникших проблем. Бюрократизация, формализация отношений между хозяйственными, политическими деятелями и гражданами, между руководителями и подчиненными могут привести к трансформации обычного трудового или даже бытового конфликта в этнический или религиозный.

В-четвертых, не допускать промедления в принятии мер; время в разрешении конфликта является одним из основных факторов, ибо упустить момент в этом деле – значит в дальнейшем иметь дело не только с конфликтом, но и с его последствиями, которые могут оказаться опаснее его самого. При этом не исключено применение государственного насилия по отношению к тем, кто нарушает законы, ущемляет права и свободы других членов общества. Оно правомерно как насилие над насилием, т.е. как отрицание насилия, и в силу этого превращается во благо. Это случается в чрезвычайных ситуациях, где требуются сосредоточение власти и быстрые действия.